

Aleksiej Oszczerkow

Русская тема в "Рейне" Виктора Гюго

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 4, 35-43

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РУССКАЯ ТЕМА В РЕЙНЕ ВИКТОРА ГЮГО

Aleksiej Oszczepkov

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Moskwa, Rosja
ale78487000@yandex.ru

Ключевые слова: образ Другого, мифологизация, двойная оптика, «северный человек», образ-эмблема

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена стремительно растущим в мировом гуманитарном знании (истории, социологии, культурологии, литературоведении) интересом к проблеме Другого, исследованию диалога культур, формирования национальной идентичности. В западной науке сложилась особая сфера исследований, занимающаяся изучением образа Другого (чужой страны, народа и т.д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи – имагология. В настоящее время и на Западе, и в России существует большое число работ, в которых анализируются разные аспекты темы *Образ России в произведениях французских писателей*, чего нельзя сказать о В. Гюго. О «русских» мотивах в стихотворениях Гюго и его публицистике писал В.В. Орехов [2008: 50-51, 69-73]. Симферопольский исследователь приходит к выводу, что «Гюго рассматривал Россию исключительно как элемент политического мира, слабо представлял ее географию, уровень культуры и т. п.» [Орехов 2008: 73]. Заметим кстати, что он обошел вниманием книгу *Рейн*, в которой русская тема находит свое развитие. Анализу «Послесловия» книги *Рейн* и ее «националистической риторике» посвящена статья В.А. Мильчиной [2005: 224-234]. Но ни В.В. Орехов, ни В.А. Мильчина или другие исследователи не писали об образе России в путевых записках *Рейн*. Задача данной статьи – заполнить эту лауну.

В. Гюго никогда не бывал в России, не написал ни одной книги, в которой был бы создан рельефный образ России, однако мысль великого поэта неоднократно обращалась к нашей стране. Россия интересовала Гюго только в контексте его размышлений о судьбах Европы и Франции. В *Дневнике юного яковита 1819 года* (1819) Гюго писал: «В Европе сейчас три исполина – Франция, Англия и Россия. После недавних наших политических потрясений каждый из этих

колоссов занял свою особую позицию и сохраняет ее. Англия продолжает удерживаться, Франция подымается, Россия восходит. За одно столетие, с удивительной быстротой, выросло это молодое государство посреди старого материала. Его будущее чрезвычайно весомо для наших судеб. Не исключена возможность, что „варварство” России еще обновит нашу цивилизацию...» [Гюго 1956, т. 14: 7].

Постнаполеоновская ослабленная Франция периода Июльской монархии, дабы восстановить свои позиции на европейском континенте, колебалась между альянсом с Англией, Германией и Россией. Гюго был убежденным сторонником союза с Германией, которой, наряду с Францией, он отводил особую роль в определении будущего Европы. Как и его предшественница Ж. де Сталь, Гюго посвятил Германии книгу путевых заметок *Рейн* (1842). Но в отличие от Ж. де Сталь, которую в книге *О Германии* интересовала самобытность немецкой романтической литературы и культуры, которую писательница противопоставляла в качестве положительного образца французской литературе, Германия привлекала Гюго как духовный, культурно-исторический, геополитический и цивилизационный союзник Франции, страна, близкая Франции по духу, принадлежащая к той же культуре.

Концепция Европы Гюго предполагала, что стержнем европейского единства является союз Франции и Германии, в котором Франции принадлежит лидирующая роль [Юберсфельд 2004: 115-125]. В заключении к *Рейну* Гюго писал: «Франция и Германия, в сущности, и есть Европа. Германия – сердце Европы. Франция – ее мозг. Германия и Франция, по существу, и есть цивилизация. Германия чувствует, Франция мыслит. Чувство и мысль образуют цивилизованного человека» [Hugo 1953: 608-609]. Идеализированному в романтическом духе союзу Германии и Франции Гюго противопоставляет Россию и Англию. Гюго-романтик мыслит противостояние Франции и Германии, с одной стороны, и России и Англии, с другой, как вечное противоборство сил Добра и Зла. «Освободилась ли Европа? Отнюдь нет. Как в семнадцатом веке, двойная опасность угрожает ей. Люди уходят, но человек остается неизменным; <...>. В настоящий момент, как и двести лет тому назад, два вида непомерного тщеславия существуют в Европе и угрожают ей: один – дух войны, насилия и завоевания, торжествующий на Востоке; другой – дух торговли, хитрости и авантюры воцарился на Западе. Две мощных силы переместились на север и снова поднимаются там, чтобы захватить континент самым наглým образом. Могущество Турции унаследовала Россия, а Испании – Англия» [Hugo 1953: 583].

В *Рейне* Гюго так описывает будущее европейского континента: «Когда Центральная Европа станет единой, а она ею станет однажды, выгода станет очевидной для всех: Франция с помощью Германии будет противостоять Англии, которая <...> пронизана духом коммерции, и сбросит ее в океан; Германия с помощью Франции будет противостоять России, которая является завоевателем по духу и отбросит ее в Азию» [Hugo 1953: 612].

Показательно, что антитезы, выстраиваемые Гюго, основаны на романтической категории «духа нации», восходящей к гердеровской концепции *Volksggeist*. Гюго не ограничивается констатацией этого духовного в своей основе противо-

стояния, французский писатель ищет его исторические корни. В *Рейне* дано культурно-историческое обоснование этой оппозиции. Если Германия и Франция мыслятся Гюго наследницами империи Карла Великого, хранительницами «рыцарского духа» и центром цивилизации, то Россия и Англия заняли в современной Европе место, в XVI-XVII вв. принадлежавшее двум центрам силы – Турции и Испании.

Если в *Дневнике юного якобита* Гюго смотрит на Россию с надеждой, слово «варварство» применительно к России берет в кавычки, то в *Рейне* писатель однозначно осуждал в России «дух завоевания» (“l’esprit de conquête”). За эти двадцать три года политические взгляды Гюго претерпели существенные изменения: бывший монархист превратился в республиканца и демократа. Осуждая в *Рейне* «дух завоевания», якобы свойственный России, Гюго почти одновременно в *Речи при вступлении во Французскую академию* (1841) воспевал полководческий гений Наполеона и его завоевания в Европе [Гюго 1956, т. 15: 10-11]. Здесь нет противоречия. Дело в том, что Гюго проводил различие между войной и «духом завоевания». «Война зачастую бывает полезна. <...> Любая жатва готовится плугом, а все цивилизации – войнами» [Гюго 1956, т. 15: 15]. «Но когда война стремится господствовать, когда она становится нормальным состоянием нации, когда она переходит, так сказать, в хроническое состояние, когда происходит, к примеру, тринадцать больших войн на протяжении четырнадцати лет – тогда <...>, какими бы великолепными ни казались последующие результаты, человечество страдает. От соприкосновения с идеями насилия забывается и сходит на нет утонченность нравов» [Гюго 1956, т. 15: 15]. Таким образом, для Гюго война как эпизод человеческой истории приемлема, так как несет с собой обновление, двигает историю, подготавливает новые цивилизации. «Дух завоевания» как перманентное состояние духа того или иного народа, как ценность, как культ грубой силы и стремление к экспансии враждебной цивилизации.

В заключении к *Рейну* Гюго разовьет свою мысль о соотношении цивилизации и «духа завоевания». «Что касается духа завоевания, для которого война является главным инструментом, он придает новые силы и возрождает мертвые цивилизации и убивает цивилизации живые. Война для одних – возрождение, а для других – конец. Азия нуждается в войне, Европа нет.

Цивилизация допускает дух завоевания и дух коммерции, но она не базируется исключительно на них. Она сочетает их в разумных пропорциях с другими составляющими человеческого духа. Она исправляет дух завоевания общительностью (par la sociabilité), а дух коммерции бескорыстием (désintéressement). Обогащение не является ее исключительной целью. Экспансия не есть ее высшее устремление. Просвещать, чтобы совершенствоваться – вот ее цель» [Hugo 1953: 612].

В свете сказанного становится понятной логика Гюго в оценке России. Полуазиатская Россия ныне, как прежде Турция, одержима «духом завоевания» и экспансии. Преградой ее экспансионистским устремлениям может стать только союз двух цивилизованных, европейских стран – Франции и Германии, который обеспечит «процветание Европы и мир во всем мире» [Hugo 1953: 612].

Чтобы обосновать важнейший тезис о том, что Россия в XIX в. стала преемницей «духа завоевания» Турции и представляет угрозу европейской цивилиза-

ции, Гюго обращается к историческим аналогиям. Сравнивая Турцию и Россию, Гюго обнаруживает наличие тюркского элемента в турецкой и русской нациях. «В турке есть частичка татарского. Она есть также и в русском (“Il y a du tartare dans le turc, il y en a aussi dans le russe”») [Hugo 1953: 599]. В подтверждение Гюго приводит высказывание своего кумира Наполеона: «Поскребите русского, и вы обнаружите татарина». Любопытно, что когда Гюго размышляет о духовной, культурной близости Германии и Франции, он в качестве аргумента приводит их возникновение из империи Карла Великого, то есть критерием становится их общая некогда государственность и цивилизация. Констатируя близость России и Турции, Гюго основывает ее на этническом фундаменте – наличии тюркского элемента. Татары еще в XV-XVI вв. для западноевропейцев синоним варваров (tartares – выходцы из тартара). Таким образом, для дискредитации исторических оппонентов европейцев Гюго прибегает к этнографическому сближению русских и турок с татарами.

Гюго основывает свое типологическое сближение турок и русских на «теории климата» Монтескье, согласно которой климат оказывает решающее воздействие на нравы и обычаи народов. Для Гюго и турки, и русские – люди Севера, а «северный человек (“l’homme du nord”»), в сущности, всегда один и тот же» [Hugo 1953: 599]: варвар, кочевник без рода и племени, не способный к мирному труду, коварный и жестокий воин-завоеватель.

Показательна двойная оптика Гюго. Историзм, проявившийся в нарисованной Гюго широкой картине культурной и политической ситуации в Европе, тех изменений, которые произошли в расстановке основных политических игроков на европейском континенте за два века (с начала XVII по XIX), изменяет великому поэту, как только он обращает свой взор на потенциального соперника, противника или конкурента. На смену историческому анализу приходит мифологизация. Место исторического экскурса о судьбах Европы, призванного выявить генезис явления, его истоки и эволюцию, занимает жесткая и аисторичная констатация, построенная на антитезе «южный человек» – «северный человек»: «Южный человек (“l’homme du midi”) меняется, трансформируется, развивается, расцветает и плодоносит, умирает и возрождается как все живое. Северный человек вечен как снег» [Hugo 1953: 600].

Жесткость и аисторизм этой интеллектуальной конструкции проявляется еще и в том, что она опирается на *Историю римской империи* Аммиана Марцеллина, написанную в IV в. н.э., в которой древнеримский историк давал характеристику гуннов. Черты нравов и быта гуннов, отмеченные римским историком, некритично переносятся Гюго на «северного человека» вообще, и на русского – в частности. Для Гюго русские – северный народ и почти такой же дикий, как племя гуннов.

С другой стороны, как уже отмечалось, он не прошел и мимо идей Гердера. Гердеровское учение «о духе нации» исходило из того, что каждая нация является одним из проявлений Божественного начала и потому неповторима. В каждой нации Гердер усматривал некую сущность, одновременно постоянную и изменчивую, устойчивую в изменении. Гюго наследует гердеровскую мысль об уникальности каждой нации. Предваряя свой этнографический пассаж о русских

и турках, Гюго писал: «То, что вы уже прочитали и что вам только еще предстоит прочитать, не содержит ни малейшего осуждения тех народов, о которых говорит автор. Автор порицает иногда правительства, но никогда народы. Вообще говоря, народы являются тем, чем они должны быть; в каждом из них заключен росток добра, взращиваемый Богом и приносящий свои плоды. Те четыре народа, портрет которых здесь нарисован (речь идет о Турции, России, Испании и Англии. – А.О.), окажут цивилизации значительные услуги в тот день, когда они примут в качестве своей особой цели общую цель человечества» [Hugo 1953: 597-598].

Этот пассаж демонстрирует противоречивость мысли Гюго. С одной стороны, каждый народ реализует в своей истории божественную волю, воплощает в себе частицу божественного духа, и потому является тем, чем он должен быть, согласно проекту и воле Творца. Отсюда с неизбежностью должен следовать вывод о принципиальной самобытности, уникальности каждого народа и его равенстве любому другому народу. Однако мысль Гюго делает иной поворот. Оказывается, турки, русские, испанцы и англичане лишь в будущем внесут свой вклад в цивилизацию (в отличие от французов и немцев, которые суть центр и воплощение этой самой цивилизации) и лишь при условии подчинения своих национальных целей и интересов «общечеловеческим», то есть, как легко понять из контекста, франко-немецким. Как отмечает Ж. Старобинский, «особенно много сделал для сакрализации слова „цивилизация” Гюго, приписывая при этом Франции высший священнический сан» [Старобинский 2002, т. 1: 131].

Конечно, Гюго не отождествлял русский народ с самодержавием, но русский народ вообще мало его интересовал. Все ограничилось сближением русских с татарами. Для Гюго Россия – это российское государство. И здесь опять обнаруживается близость России и Турции, для которых характерна деспотическая форма правления и подавление личности. «В России, как и в Турции, – писал Гюго, – решительно ничего не принадлежит личности <...> Русский, как турок, может по воле или капризу правителя потерять свою работу, звание, титул, свободу, имущество, достоинство, даже имя» [Hugo 1953: 600].

В *Рейне* речь идет не о русском народе, но преимущественно о царях. Здесь упоминаются великий князь Московский, Петр Великий, Александр I, Николай I. Великий князь Московский представлен в качестве полуфантастического, сказочного персонажа *Тысячи и одной ночи*, полуазиатским правителем огромной страны, периодически опустошаемой набегами татар [Hugo 1953: 561]. К тому времени, когда Гюго писал эти строки, во Франции уже существовали серьезные труды французских историков по истории России (*История России* П. Левека, многотомные *История Древней Руси* и *История новой России* Леклерка), в 1826 г. в Париже было завершено издание *Истории Государства Российского* Н.М. Карамзина. Все эти работы были известны Гюго: в *Дневнике юного якобита* он дает развернутую характеристику *Истории России* Левека, а в трактате *Вильям Шекспир* упоминает об *Истории Государства Российского* Карамзина [Гюго 1956, т. 14: 8, 388]. Отношение Гюго к трудам Левека и Карамзина было неоднозначным. Соотечественника он критиковал за недостаточное внимание к истокам русской цивилизации, к истории кочевых племен, которые впоследст-

вии образуют русское государство. Н.М. Карамзина – за восхваление самодержавия. Однако каковы бы ни были претензии писателя к Левеку или его идейные разногласия с Карамзиным, труды этих историков заслуживают большего доверия, чем небылицы представителей так называемой «литературы анекдотов» о сказочных богатствах и неограниченной власти Великого князя Московского, бытовавшие в парижских салонах с XVII века, которые пересказывает Гюго в *Рейне*, говоря о России.

Так, еще в *Дневнике юного яacobита* он характеризует Екатерину II как «коронованную куртизанку», «царицу-царевубийцу» [Гюго 1956, т. 14: 8], очевидно, следуя за автором скандальной книги *Анекдоты о русской революции 1762 года* Клодом де Рюльером, чьи мемуары Дидро и Гримм считали «сплетением лжи». В заключении к *Рейну* Гюго воспроизводит стереотипы о Петре Великом. Петр I сотворил Россию и убил своего сына. В последнем факте Гюго усматривает какое-то проявление мистической связи между двумя колоссами, угрожающими цивилизации – Россией и Испанией, король которой Филипп II убил своего наследника [Hugo 1953: 605]. Так на основе единичных и произвольно отобранных фактов делаются широкие обобщения об общности исторических судеб и предназначения двух держав. Александр I, в версии Гюго, испытывавший восхищение перед гением Наполеона, был некоторое время французом (“Le czar, par enthousiasme pour Bonaparte, avait été un moment français”) [Hugo 1953: 613], но «увидев, что Наполеон настраивает северную Европу против России, снова сделался русским» [Hugo 1953: 613]. Более всех из российских самодержцев достается Николаю I, который является для Гюго воплощением самодержавия и деспотизма.

И вновь перед нами пример двойной оптики – отношение Гюго к монархическому правлению в России. Гюго-республиканец не приемлет абсолютной монархии, каковой была Россия. Однако в период Июльской монархии Австрия и Пруссия тоже были абсолютными монархиями, что не мешает Гюго рассматривать их как потенциальных союзников Франции. Почему же критике подвергается только Российское самодержавие, а Германия, важнейшей частью которой была абсолютистская Пруссия, признается союзником Франции, и никаких упреков в деспотизме прусской власти Гюго не делает?

Видимо, дело в том, что для Гюго – монархия, пусть даже и абсолютная, не тождественна самодержавию и связанному с ним деспотизму. Абсолютная монархия приемлема, хотя республика предпочтительнее. Самодержавие и его спутник деспотизм – нет. Деспотизм – «огромное, но слабое чудовище» [Hugo 1953: 387]. Но что Гюго понимал под деспотизмом? Почему авторитарный режим Наполеона, как и сама фигура императора, вызывают у Гюго энтузиазм, восторг и почти благоговение, а российское самодержавие и «Николай российский» (равно как и «Наполеон Малый») – отвращение и ненависть?

Все дело в том, что Наполеона I Гюго рассматривает в историческом контексте, как порождение Великой французской революции. «Революция его породила, народ его избрал, папа возложил на него корону» [Гюго 1956, т. 15: 9]. Гюго косвенно оправдывает авторитаризм Наполеона, гонения на крупных французских писателей-оппозиционеров, предпринятые императором, объясняя их мас-

штабностью личности императора и теми историческими задачами, которые перед ним стояли. Для Гюго в Наполеоне есть некая эстетическая привлекательность, близкая сердцу писателя-романтика «поэтичность». «Все в этом человеке было грандиозным и ослепительным. Подобный необычайному видению, он возвышался над Европой» [Гюго 1956, т. 15: 10]. Наполеон – воплощение меритократической мечты Гюго. Революция способствовала расцвету и подъему всего незаурядного, талантливого, творческого. В деспотизме для Гюго неприемлемо прежде всего подавление всякого гения. «Деспотизм <...> ненавидит всякое природное или социальное превосходство <...>. Для него не существует гениальных людей» – утверждал Гюго [Hugo 1953: 601].

В свете этой романтической концепции деспотизма, согласно которой деспотизм губит и подавляет всякое величие, гений, творческую личность вообще, Гюго и оценивает фигуру российского самодержца. Образ Николая I, в отличие от образа Наполеона, эмблематичен и непоэтичен, так как российский император рассматривается вне связи с историей, с реалиями российской действительности, вне обусловленности ею. «Он – глава деспотизма», «всемогущее чудовище», «Агамемнон новой троянской войны, которую люди прошлого ведут против людей будущего; он являет собой дикую угрозу мрака свету, полночи полдню» [Гюго 1956, т. 15: 272].

Все в этой характеристике призвано дискредитировать русского императора: и зооморфная метафора («всемогущее чудовище»), и мифологическая реминисценция, содержащая сравнение Николая с Агамемноном, чья ссора с Ахиллом стала поводом к Троянской войне, и антитезы «мрак–свет», «полночь–полдень». Самовластье и могущество Николая делают его еще опаснее и отвратительнее.

Сказанное об образе российского императора верно и применительно к образу России у Гюго. Для Гюго существует история Европы, но для него не существует истории России. Образ России, лишаясь исторического фона, на котором выписан в *Рейне* образ Европы, превращается в эмблему деспотизма и варварства. Эта эмблема складывается всего из нескольких элементов. Во-первых, это пугающая военная мощь России, которая, согласно утверждению писателя, может поставить под ружье одиннадцать тысяч человек [Hugo 1953: 584]. Во-вторых, промежуточная культурно-цивилизационная идентичность, сочетающая в себе элементы европейскости и азиатскости и проявляющаяся в существовании двух столиц – европейского Санкт-Петербурга и азиатской Москвы [Hugo 1953: 584]. Но и сама эта петербургская «цивилизованность», по мнению Гюго, – лишь внешняя, наносная. Великий князь Московский становится царем, царь – императором. Кажется, что меняя титулы, «сбрасывая оболочки, князь московитов становится все более и более похожим на Европу, то есть на цивилизацию» [Hugo 1953: 584]. Но, предупреждает Гюго, «быть похожим не означает быть таким же» [Hugo 1953: 584].

Гюго рассматривает Россию не сквозь призму ее истории, а сквозь призму собственных представлений о будущем Европы. Для автора *Рейна* существуют два возможных вектора развития Европы: Европа может стать либо республиканской, либо казацкой [Гюго 1956, т. 14: 272]. «Николай российский воплощает Европу казацкую. Николай российский противостоит Революции» [Гюго 1956,

т. 14: 272]. Оппозиция «республиканская Европа» – «Европа казацкая» была позаимствована Гюго у его кумира Наполеона I. Заметим, что для Наполеона оба названных возможных пути развития Европы не приемлемы. Гюго, напротив, видит будущее Европы в реализации республиканских принципов и формы правления. Такая Европа является для него настоящей Европой, хранительницей цивилизации, которой писатель противопоставляет Европу «казацкую», находящуюся во власти варварской стихии, сил монархистской реакции.

Таким образом, логика Гюго в оценке России становится понятной в свете республиканских и демократических идеалов писателя. Гюго движим не русофобией, но своей мечтой о свободных, демократических, республиканских Соединенных Штатах Европы, ее реализации мешают силы реакции, к которым относится в том числе и российское самодержавие.

Русская тема в *Рейне*, в других публицистических произведениях писателя служит одной цели – показав чуждость России европейской цивилизации, подчеркнуть культурную, духовно-цивилизационную близость Франции и Германии, обосновав тем самым закономерность, естественность и необходимость франко-германского альянса. В контексте развернувшихся во Франции дискуссий о потенциальном союзнике, становится понятным, почему Россия в воображении Гюго есть антитеза Европе.

Нарушение принципа историзма неизбежно приводило к мифологизации России, то есть к игнорированию ее культурно-исторической специфики, способности увидеть российскую действительность в историческом контексте, созданию упрощенных оппозиций, а иногда и к демонизации *Другого*. В *Рейне* Гюго обнаруживаются зачатки той негативистской модели образа России, подлинным создателем которой станет А. де Кюстин в книге путевых заметок *Россия в 1839 году*.

Библиография

- Гюго В., 1956, *Собрание сочинений: в 15 томах*, Москва.
- Мильчина В., 2005, *Послесловие к «Рейну» Виктора Гюго: националистическая риторика как форма компенсации утраченного величия*, [в:] *Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре: сборник статей*, Москва, с. 224-234.
- Орехов В.В., 2008, *Миф о России во французской литературе первой половины XIX века*, Симферополь.
- Старобинский Ж., 2002, *Поэзия и знание: История литературы и культуры: в 2 томах.*, Москва.
- Юберсфельд Ф., 2004, *Европа Гюго*, [в:] *Виктор Гюго: Неизвестный известный. К 200-летию со дня рождения Виктора Гюго: сборник статей*, Москва, с. 115-125.
- Hugo V., 1953, *Le Rhin*, [in:] V. Hugo, *Oeuvres complètes: En 35 vols.*, Paris, t. XXI.

Summary

The Russian theme in the “Rhine” by Victor Hugo

The article analyzes a book travel notes “Rhein” and the article of different years Century Hugo on a Russian theme, comes the role of different literary traditions in art, political and aesthetic views of the writer, exerted an influence on the негативистскую model for the creation of the image of Russia.

Key words: *image of “the Other”, mythologization, double optics, “the Northern people”, the image of the emblem*